

Ирина БОНДАРЕВА

РАХИЛЬ МАРГОЛИНА

Профессии, как и кинороли, бывают первого и второго плана. Есть хирург, блестяще проведший операцию, а есть медсестры и санитарки, выходившие больного, модельер, сочинивший костюм, и портнихи, сшившие его, есть архитектор и строители, материализовавшие проект.

Согласно этой логике, профессию библиотекаря относят ко второй группе. Самих же библиотекарей отличают, как правило, интеллигентность, тактичность, вежливость, скромность, а порой и неприметность.

Та, о которой пишу, не была исключением. Была тиха и вежлива, скромна и интеллигентна. Но смогла доказать, что профессия библиотекаря — профессия первого плана.

Рахиль Владимировна Марголина была библиотекарем милостью Божией. Библиографом. Слово-то какое чудесное! Означает “описываю книгу”, то есть “знаю”. Знаю ее секреты, законы, тайны, знаю особый книжный язык. И Рахиль Владимировна знала. Знала и любила.

Говорят: “Случайностей не бывает” и добавляют: “Случайность — язык Бога”. То, как сложилась ее судьба, эту истину подтверждает.

В 1920 году ей было тринадцать. В своей автобиографии она напишет: “В 1920-ом пора было идти работать(!). Начальник госпиталя, к которому обратилась в надежде на место санитарки, предложил побыть библиотекарем. Стала работать, на первых порах не знала, что и делать. Читала раненым “Овод” Э. Л. Войнич. Слушателям понравилась книга. А Рахили стала нравиться работа, работа рядом с книгою. А черед несколько месяцев ее направили медицинской сестрою в части особого назначения.

Прошло почти три десятка лет. Сталин продолжал поиски внутренних врагов, на сей раз боролся с космополитами. И в 1947 году она была уволена (как только не репрессирована?) из парткабинета горкома ВКП(б). И на сей раз в поисках работы уверенно пошла в библиотеку. И осталась там навсегда, на

долгие — и самые счастливые — тридцать лет.

Библиотека — книжное море, в нем легко заплутать, можно сбиться с курса и даже утонуть; продолжить правильный и наиболее точный путь к искомому, обойти рифы, избежать потерь помогает библиограф. Он лоцман в книжном море. Он говорит с книгами на особом языке. У него есть компас, карты, таблицы, схемы. Те, кто знали об этом, неизменно на своих творческих дорогах встречали Рахиль Владимировну Марголину. Единственную в своем роде.

Когда она умерла, стало понятно, как она всем была нужна, как она помогала тем, кто не мог жить без книги. Стало понятно, что она была уникальным “биостимулятором” сложного процесса познания, великим настройщиком этого удивительного ансамбля библиотека — читатель — книга. Никто, как она, не мог так психологически точно мобилизовать все скрытые резервы читателя, сделать работу с книгой осмысленной и увлекательной.

Как же это происходило?

Вы идете по улице Горького, подходите к бывшему зданию Дворянского собрания, где ныне находится библиотека имени И. Франко. Беретесь за большую с резным набалдашником ручку, открываете огромную тяжелую дверь. Это трудно. Дверь поддается медленно (прямо метафора получается — дверь в здания). Если вы идете просто за радостью, хотите полистать старые журналы или погрузиться в неизвестный роман, вам в читалку. Если вы — праздный поглотитель печатного слова, вы с удовольствием будете плыть сами. Если вы идете искать материал для курсовой или диплома, для диссертации, реферата, доклада, статьи, то вы направляетесь в библиографический. Едва переступив порог, слышали приветливо-радостное: “Добрый день, милая! Здравствуйте, мой дорогой!” А дальше вам оставалось только обозначить словом проблему. И все... Через некоторое время вы получали исчерпывающую информацию, где и как найти то, что вам нужно. Да, профессия библиографа — это профессия искателя. Постоянный, ежедневный розыск — примета этой специальности. Иногда ответ на ваш вопрос требовал у опытной, энциклопедических знаний Рахили Владимировны минуту, иногда уходило долгие часы и дни. Если для ответов не хватало огромных фондов библиотеки имени И. Франко, она отправлялась за искомым в библиотеку университета или в “Таврику” (что при краеведческом музее), или по межбиблиотечному абонементу обращалась в публичную библиотеку тогда еще Ленинграда, или в знаменитую московскую Ленинку (там тоже знали ее и любили). В тупик не попадала никогда. Ведь любой (даже отрицательный) результат — это вывод, это ответ на вопрос. В поступательном процессе позна-

ния тупиков не бывает, есть сложные повороты, крутые зигзаги, но не тупики. Она это знала, этому верила. Потому неустанно прокладывала новые книжные маршруты. На документальном языке это называлось: составлять указатели. Указатели источников по проблеме. Их она написала несколько сотен, а также составила множество каталогов и справочников. Звучат эти наименования суховато, конечно, это не роман и не поэма, но скольким эти справочные каталоги и указатели сколь много помогли написать?!

Когда знаменитый крымский поэт Борис Серман создавал свои стихотворные сборники, он черпал вдохновение и в информации библиографа. Когда врач Александр Довженко приближался к своему открытию, с ним рядом была Рахиль Владимировна. А крымская группа авторов "Истории городов и сел" свидетельствовала, что не могла бы даже представить свой труд без сотрудничества с Марголиной.

Она добровольно выбрала эту роль вечного помощника — и отнюдь не из робости: она обретала смысл и силу в самоотверженном бескорыстии.

Ее имя в переводе на русский означает "овца, овечка". Она же была необыкновенно добра. И нежна. И кротка. Умела воспринимать жизнь такой, какой она была. Умела терпеть, не роптать. Помнила, что путь к духовным вершинам лежит через самоограничение. Ей пришлось пережить самое страшное из несчастий — смерть маленького сына. Смогла. Не замкнулась, не стала жестокой. Прожила долгую жизнь, точно зная, что вражда и агрессивность укорачивают и ограничивают ее.

Многое любила — детей, друзей, людей. Очень любила свою работу. Любила трепетно, как-то целомудренно, говорила, что это счастливая и самая благодарная любовь: "Работа тебе никогда не изменит, не обманет, не предаст".

Обладала удивительной памятью специфического свойства. В быту была просто классически рассеянной, теряла сумочки, ключи, зонтики, по многу раз переспрашивала. Едва переступив порог своего родного библиографического отдела, перевоплощалась в специалиста с феноменальной памятью. Безошибочно называла любой источник информации, номер карточки, тома, страницы. Сейчас ее память можно было бы сравнить с компьютерной. Но только память. В остальном же — это была душа, бездна обаяния, нежности. Как добра она была со своими читателями, даже с самыми неопытными, пришедшими к ней впервые и чувствовавшими себя в библиотеке как слон в посудной лавке.

Ей и в голову не могло прийти назвать их посетителями — только читателями. Читатели пытливые и взыскующие. Только такими она их видела и воспринимала. Учеников и студентов,

ученых и врачей, музыкантов и краеведов. Она понимала свою помощь им как акт творчества, сотворчества, соавторства. Лучшее доказательство тому — ее домашняя библиотека. Удивительная. На полках старых этажерок из гнущейся виноградной лозы стояли книги с автографами. Авторские надписи были весьма схожего содержания: “Спасибо за помощь... Вы очень помогли... Не будь Вас, не было бы этой книги”.

Остальных книжек было мало. Да и зачем? У нее была огромная личная библиотека — библиотека имени И. Франко. Ее дом. Ее вера, любовь и защита. Спасительный остров, на котором мы все ищем утешения и вдохновения.

С Рахиль Владимировной ушел целый мир поколения, в котором было так много всего: гражданская война, неп, вторая мировая, для нас — Отечественная, Победа, восстановление, прекрасный советский коммунизм. Она преданно, честно верила в него. И даже личная обида за полученное оскорбление не смогла ее поколебать. В последние годы, уже не работая, не пропустила ни одного партсобрания, а когда сил не было совсем, здоровье сдавало, заказывала по телефону такси и ездила на собрания в библиотеку, расположенную от дома в двух кварталах.

Вспомним тринадцатилетнюю девочку в госпитале, читающую раненым “Овод”. Потом работала в Москве, участвовала в создании первых пионерских отрядов в стране. Возглавляла эту работу Надежда Константиновна Крупская, сейчас фигура одиозная, а в недавнем прошлом — великий авторитет. Эта мудрая, умная, властная и хорошо образованная женщина многому научила юную Рахиль. В середине двадцатых Крупская получала очень много писем. Не имея возможности ответить на все сама, распределяла их по отделам. Одно из писем попало к Марголиной. Оно содержало просьбу: “Дорогая Надежда Константиновна! Вышлите нам, пожалуйста, барабан”. Забылось имя адресата, только помнится, что просьба осталась без всякого внимания. “Подумаешь, со всякими мелочами обращаются в ЦК комсомола, к самой Крупской”. Вдруг вызывает она меня и спрашивает: “Вы отослали барабан?” Я опешила. Крупская сказала: “Так не годится”. Барабан я, конечно, сразу купила и отослала по адресу. Но потом Надежда Константиновна собрала нас и долго объясняла, как нужно обращаться с письмами и просьбами”.

Марголина оказалась хорошей ученицей. Особенно по части внимания к каждому, кто в нем нуждается. И в этом она тоже нашла свое призвание, и сочувствием, и состраданием была полна ее жизнь.

Она очень боялась умереть зимой. Боялась, что плохая погода помешает всем друзьям (людям тоже пожилым) придти и проститься. Все случилось так, как она хотела. Была яркая и

теплая весна, людей на похоронах было много. Очень много. Она, наверное, и не ожидала бы.

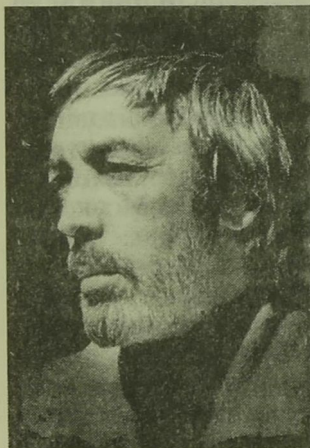
А вот если бы узнала, что библиотека имени И. Франко включила ее 90-летие в реестр памятных дат, наверное, была бы смущена и обескуражена. Однако отметили ее юбилей так, как она бы одобрила. Собрались в родной библиотеке: вспомнили, многое рассказали, плакали (но светло), смеялись сквозь слезы. Артисты читали стихи любимого ею Пастернака, камерный хор пел дорожную ее сердцу музыку Рахманинова. Никакой помпезности и ложного пафоса (уж очень она этого не любила).

Вечер ее памяти прошел в тональности ее жизни — скромности, доброты, подлинной искренности. А когда настала пора уходить, так хотелось зайти в библиографический отдел, вспомнить минуты счастья, прожитые там, глянуть на стеллажи с каталогами и еще раз услышать ее слова: “Только не отвлекайтесь от вашей работы с книгой, не бросайте ее ни на час, подчиняйте ей все”.

— Да, Рахиль Владимировна, да. ... Спасибо.

Георгий КОГОНАШВИЛИ,
председатель Крымского фонда
“Искусство во имя Христа”

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

Олег Грачев — классик. А это значит, что его талант не измерим временем, географией, техникой. Олег Грачев — классик, и потому мы должны, обязаны знать о нем как можно больше, чтобы помнить и беречь свои воспоминания.

Олег Валерьевич Грачев родился в 1923 г. в Подмосковье. Ему не было еще и пяти лет, когда семья переехала в Крым, и с тех пор он по праву считает себя крымчанином. По праву, потому что дело не в количестве выставок, на которых Грачев представлял крымское искусство, не в том, что закончил Крымское художественное училище им. Н. С. Самокиша, не в том даже, что знает землю Тавриды, которую исходил, изъездил и, главное, запечатлел на своих полотнах. Дело в том, что право называть себя сыном той земли, на